

Георгий
Валентинович
Плеханов

О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ
ПОНИМАНИИ
ИСТОРИИ

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П38

Плеханов, Г. В.

П38 О материалистическом понимании истории / Г. В. Плеханов. — М. : RUGRAM, 2022. — 40 с. — (Навстречу революции).

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78086-0

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

~~П 9321~~
301

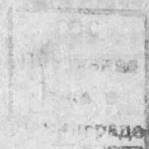
15
0-11

П-38

Г. В. ПЛЕХАНОВ

О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ
ПОНИМАНИИ
ИСТОРИИ

У ФИЛИАЛ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1938

Дом Плеханова

№ 2407

Под наблюдением редактора *К. Верховской*
Техред *Н. Лебедева*
Корректор *З. Окунь*

Сдано в набор 21 мая 1933 г. Подписано в печать 4 июня 1933 г. Государственное издательство политической литературы № 239. Уполн. Главлита № Б-41989. Тираж 300 тыс. (1—100 тыс.) Формат 84×108¹/₃₂. Объем 2¹/₄ печ. л. 40 тыс. зн. в 1 п. л. Заказ № 2233. Текст отпечатан на бумаге Камского бум. комбината.

Цена 25 коп.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкинг», Москва, Красно-
пролетарская, 16.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Работа Г. В. Плеханова «О материалистическом понимании истории», написанная по поводу книги Антонио Лабриола «Очерки материалистического понимания истории» (имеется на русском языке), впервые была напечатана в 1897 г. в сентябрьской книжке «Нового слова». Впоследствии была включена Плехановым в сборник «Критика наших критиков» в собрании сочинений Плеханова, вошла в VIII том издания 1925 г.

Среди других работ Плеханова, посвященных обоснованию и защите марксизма и пропаганде марксистского учения в России, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «К вопросу о роли личности в истории», эта работа занимает одно из важнейших мест. В первую очередь к этой группе работ Плеханова, посвященных вопросам философии, относятся слова Ленина, написанные в 1921 г.: «...уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать—именно *изучать*—все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Ленин, т. XXVI, стр. 135).

Давая в целом положительную характеристику книге Лабриола, Плеханов полемически заостряет свою статью, как и целый ряд других своих работ 80 и 90-х годов, против русских субъективистов типа Михайловского, Кудрина, Кареева и др. В этой работе Плеханов для разоблачения субъективистов-народников, являвшихся злейшими врагами марксизма и основным препятствием на пути развития революционного движения в России и создания массовой политической партии рабочего класса, употребил своеобразный полемический прием, о котором он говорил впоследствии в предисловии к «Критике наших критиков». Из статей субъективистов и народников Плеханов убедился в том, что эти господа, запомнив термины марксистов, не понимали существа этих терминов. «Чтобы убедить в этом также и читателей,—пишет Плеханов,—я решил изложить нашу историческую теорию *другими словами*; это и было сделано в только что названной статье. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав в чем дело, закричал, что я отказался от «экономического материализма». Я торжествовал и уже приготовил для него,—как выражается Чацкий,—ответ громовой». Но

издание, в котором должен был появиться этот ответ, было прекращено, и ответ мой остался ненапечатанным. Печатать его теперь уже несвоевременно...» Так писал Плеханов впоследствии об этом факте позорного невежества субъективистов.

В работе «О материалистическом понимании истории» Плеханов развенчивает так называемую теорию факторов, расчленяющих деятельность общественного человека и превращающих ее различные стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. «Исторические» факторы»,—пишет Плеханов,—оказываются простыми абстракциями, и, когда исчезает их туман, становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй—историю права, историю морали, философии и т. д.,—а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. *Так называемые идеологии представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории».*

Плеханов разбивает в этой статье попытки субъективистов представить материалистическое понимание истории как теорию «экономического материализма», механически сводящую все многообразие исторического процесса *непосредственно* к экономическому фактору, к тому, что «экономическое» «действует само по себе, без всякого участия людей» (Плеханов, т. VII, стр. 260). Как известно, против этого еще самым решительным образом восставал Энгельс. В письме к Блоху от 21 сентября 1890 г. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение—это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты—конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это

далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому иногда возникала удивительная путаница» (*Маркс и Энгельс*, Письма, под ред. Адоратского, стр. 374, 375, 377. Изд. 1931 г. Соцэк, Ленинград).

Плеханов в духе приведенных указаний Энгельса показывает, что сведение материалистического понимания истории к «экономическому материализму» является сугубо ошибочным. Он показывает, что подобное извращение допускается субъективистами намеренно, в целях борьбы против марксизма, ибо «доводы блаженной памяти экономических материалистов легче опровергать, чем доводы материалистов-диалектиков» (*Плеханов*).

Плеханов показывает, что теории экономического материализма неизбежно ведут к фатализму и идеализму. Он показывает, что сами экономические отношения являются «функцией общественных производительных сил», тогда как для идеалистов всех видов экономические отношения были «функцией *человеческой природы*» (*Плеханов*). Состояние производительных сил в конечном счете определяет все общественные отношения и, прежде всего, экономические отношения, отношения классовые, затем правовые отношения, отношения нравственности и, наконец, косвенно и все создания мысли и воображения—науку, искусство и т. д. Маркс никогда не рассматривал экономическое движение данной страны вне связи его с теми *общественными силами*, которые, вырастая на его почве, сами влияют на его дальнейшее направление. Поэтому-то «между материалистами-диалектиками и людьми, которых не без основания можно назвать *экономическими* материалистами, лежит целая пропасть» (*Плеханов*).

В дальнейшей части работы Плеханов критически разбирает некоторые отдельные ошибки книги Лабриола, допущенные автором, несмотря на правильность в целом его основной позиции, которые не могут не открывать щели для идеалистических извращений. Из этих ошибок следует особо отметить неправильный взгляд Лабриола на роль в историческом развитии расы и расовых особенностей. Лабриола утверждает, и притом догматически, не приводя никаких доказательств, что историческое развитие усложняется действием расовых особенностей. Плеханов показывает ошибочность этих теорий даже для доисторических народов, а в отношении исторических народов Плеханов прямо говорит, что «в применении к ним слово *раса* вообще не может быть и не должно быть употреблено. Мы не знаем ни одного исторического народа, который можно было бы назвать народом чистой расы; каждый из них является плодом чрезвычайно продолжительного и сильного взаимного скрещивания и смешения различных этнических элементов». Плеханов показывает, что ссылки на расовые свойства абсурдны потому, что прекращают

исследование как раз там, где оно должно начаться. «Отчего история французской поэзии,—спрашивает Плеханов расовых «теоретиков»,—непохожа на историю поэзии в Германии? По очень простой причине: темперамент французского народа был таков, что у него не могло быть ни Лессинга, ни Шиллера, ни Гете. Ну, благодарим за объяснение; теперь мы все понимаем». В наши дни, характерные для ряда капиталистических стран разгулом фашистского мракобесия и расовых инсинуаций, эти главы работы Плеханова приобретают особенно живой интерес.

Серией блестящих работ по основам марксизма Плеханов нанес решающий удар народничеству, разоблачил антинаучный, антиреволюционный характер его теории, тактики, средств борьбы.

Плеханов показал, что русские народники *«утопические враги капитализма, оказываются на деле пособниками капитализма в самом грубом, в самом гнусном и в самом вредном его виде»*. Однако борьбу с народничеством он не довел до конца. Эту работу в 90-х годах завершил великий вождь пролетариата и организатор большевистской партии Ленин. Плеханов не решил и другой важнейшей задачи этого периода развития революционного движения в России и во всем мире—соединения марксизма с рабочим движением и создания пролетарской партии нового типа, способной в новых условиях, в условиях эпохи империализма и пролетарских революций, возглавить революционную борьбу пролетариата.

Решение этих исторических задач было по плечу только таким гениям, как Ленин и Сталин, поднявшим марксизм в условиях новой эпохи на новую высшую ступень и вооружившим им широкие массы рабочего класса.

Плеханов не поднялся на уровень задач современной эпохи, он остался в плену традиций II Интернационала и в более поздних своих работах не только боролся против дальнейшего развития марксизма, но допустил ряд отступлений от марксистской философии и отдельные ее извращения.

Но это последнее не означает, что мы должны игнорировать то ценное, что дано Плехановым в его работах в лучший, ранний период его деятельности. Такие работы, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К вопросу о роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории», сохраняют свое важнейшее значение и сейчас. На них и сейчас можно и должно учиться правильному марксистскому пониманию хода исторического развития и умению защищать это понимание от вражеских нападок и фальсификации. Об этих работах Ленин в 1921 г. писал, что они должны войти в «серию обязательных учебников коммунизма».

О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ИСТОРИИ

I

(Essais sur la conception matérialiste de l'histoire par *Antonio Labriola* professeur à l'université de Rome, avec une préface de G. Sorel. Paris 1897.)

Признаемся, мы с немалым предубеждением взяли в руки эту книгу римского профессора: мы были напуганы некоторыми сочинениями некоторых его соотечественников, например, А. Лориа (см. особенно его «La teoria economica della costituzione politica»). Но уже первые страницы книги убедили нас, что мы были неправы и что иное дело Акилле Лориа, а иное дело Антонио Лабриола. Когда же мы подошли к ее концу, нам захотелось поговорить о ней с русским читателем. Надеемся, что он не посетует на нас за это. Ведь

Так редки книги не пустые!

Сочинение Лабриола вышло прежде по-итальянски. Французский перевод тяжел, а местами и прямо неудачен. Мы с уверенностью говорим это, хотя не имеем под руками итальянского подлинника. Но итальянский автор не может отвечать за французского переводчика. Во всяком случае, мысли Лабриола понятны и в тяжеловесном французском переводе. Посмотрим же, каковы они.

Г. Кареев, который, как известно, весьма усердно читает и чрезвычайно удачно искажает всякий «труд», имеющий хоть некоторое отношение к *материалистическому пониманию истории*, наверное зачислит нашего автора по ведомству «экономического материализма». Это будет неправильно. Лабриола твердо и довольно последовательно держится материалистического понимания истории; но «экономическим материализмом» он себя не считает. Он думает, что такое название скорее подходит к писателям, вроде известного Т. Роджерса, чем к нему и его единомышленникам. И это как нельзя более верно, хотя, на первый взгляд, может быть, и не совсем понятно.

Спросите любого народника или субъективиста, что такое экономический материалист? Он ответит: это человек, приписывающий экономическому фактору господствующее значение в общественной жизни. Так *понимают экономический материализм* наши народники и субъективисты. И надо признать, что люди, приписывающие экономическому «фактору» господствующую

роль в жизни человеческих обществ, несомненно существуют. Г. Михайловский не однажды указывал на Луи Блана, который говорил о господстве названного фактора значительно раньше известного учителя известных русских учеников. Мы не понимаем одного: почему наш маститый субъективный социолог остановился на Луи Блане. Он должен был бы знать, что в интересующем нас отношении у Луи Блана было много предшественников. И Гизо, и Минье, и Огюстен Тьери, и Токвиль признавали преобладающую роль экономического «фактора», по крайней мере, в истории средних веков и нового времени. Стало быть, все эти историки были экономическими материалистами. В наше время упомянутый Т. Роджерс в своей книге «The economic interpretation of history», тоже выказал себя убежденным экономическим материалистом; он тоже признал преобладающее значение экономического «фактора». Из этого, конечно, еще не следует, что социально-политические взгляды Т. Роджерса были тождественны со взглядами, например, хотя бы Луи Блана, Роджерс стоял на точке зрения буржуазной экономики, а Луи Блан был когда-то одним из представителей утопического социализма. Если бы вы спросили Роджерса, как он смотрит на буржуазный экономический порядок, он ответил бы, что в основе этого порядка лежат коренные свойства человеческой природы, и что, поэтому, история его возникновения есть постепенное устранение препятствий, некогда затруднявших проявления названных свойств и даже делавших его невозможным. Луи Блан же объявил бы, что сам капитализм есть одно из препятствий, воздвигнутых невежеством и насилием на пути к созданию такого экономического порядка, который будет, наконец, действительно соответствовать человеческой природе. Это, как видите, очень существенное разногласие. Кто оказался бы ближе к истине? Говоря откровенно, мы думаем, что оба эти писателя были почти одинаково далеки от нее, но мы не хотим и не можем останавливаться здесь на этом. Для нас важно теперь совсем другое. Мы просим читателя заметить, что и для Луи Блана, и для Роджерса экономический фактор, господствующий в общественной жизни, сам был, как выражается математика, *функцией* человеческой природы, а, главным образом, человеческого ума и знаний. То же надо сказать и об упомянутых нами выше французских историках времен реставрации. Ну, а как назвать исторические взгляды людей, *хотя и утверждающих, что экономический фактор господствует в общественной жизни, но в то же время убежденных, что фактор этот,—т. е. экономика общества—в свою очередь является плодом человеческих знаний и понятий?* Такие взгляды нельзя назвать иначе, как *идеалистическими*. Выходит, что экономи-